

УДК 811.161.1'42

Е. В. Чернцова

Харьковский национальный университет им. В. Н. Каразина

**Древнерусские глагольные энклитические формы
как протопарентезы (по данным «Материалов для словаря
древнерусского языка» И. И. Срезневского)**

Чернцова О. В. Давньоруські дієслівні энклітичні форми як протопарентези (за даними «Матеріалів для словника давньоруської мови» І. І. Срезневського). Статтю присвячено історії формування парентетичної позиції, яка зустрічається вже у давньоруських текстах. Авторська передача чужого мовлення (*реку, рече, рьци* та інш.) закладає основи техніки розповідання, котра притаманна сучасним мовленнєвим практикам.

Ключові слова: давньоруські энклітики, парентеза, протопарентеза, нарратив.

Чернцова Е. В. Древнерусские глагольные энклитические формы как протопарентезы (по данным «Материалов для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского). Статья посвящена истории формирования парентетической позиции, которая встречается уже в древнерусских текстах. Авторская передача чужой речи (*реку, рече, рьци* и др.) закладывает основы техники повествования, характерного для современных словесных практик.

Ключевые слова: древнерусские энклитики, парентеза, протопарентеза, нарратив.

Cherntsova E. V. The Old Russian verbal enclitics as protoparenthesis (according to the «Materials for the dictionary of the Old Russian language» I. I. Sreznevsky). The article deals with the history of the parenthetic positions which can be found already in Old Russian texts. The author's transfer of another's speech (*реку, рече, рьци*, etc.) lays the foundation for the techniques of narration characteristic of the modern verbal practices.

Key words: Old Russian enclitics, parenthesis, protoparenthesis, narration.

Статья посвящена истории формирования парентетической позиции в русском языке. В лингвистике термин «парентеза» употребляется в двух значениях: 1) вводно-модальное слово в функции вставки, например: *кажется, говорят, знают, видать* и др.; 2) вставка как особое коммуникативное и синтаксическое явление языка, как понятие коммуникативного синтаксиса. Парентезами называют не только вводно-модальные слова, но и словосочетания, и предложения. Традиционно считается, что парентезы являются довольно поздним по времени возникновения видом осложнения предложения: до XV в. в памятниках русской письменности они единичны, в XV–XVII вв. расширяются состав и функции парентетических конструкций, с XVIII в. получают распространение парентезы, передающие эмоциональные, эпистемические, вероятностные оценки говорящего [4:214–216].

Языковые факты, представленные в «Материалах для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского, а также трудах историков языка А. А. Зализняка, Т. П. Ломтева, Я. А. Спринчака и некоторых др., отражают историю рассматриваемых языковых явлений. Так, история парентезы как особой ком-

муникативной и синтаксической позиции обнаруживает явную связь с фразовыми энклитиками, которым посвящено специальное исследование А. А. Зализняка [1]. Рассматривая историю русских энклитик, в ряду которых интересующий нас материал (древнерусские глагольные энклитические формы) представляет лишь фон, исследователь приходит к важным обобщениям.

В языках со свободным силовым ударением, в частности в русском, имеется равная возможность ударять одну и ту же словоформу как сильно, так и слабо, тогда как в языках с несвободным ударением или с тоновой системой такое варьирование затруднено или даже невозможно. Это значит, что в языке со свободным силовым ударением в качестве энклитик (безударных) могут использоваться те же самые словоформы, что в позициях полноударности, но только с ослабленным ударением. В ходе истории языка в состав энклитик постепенно переходят некоторые слова, которые первоначально были акцентно самостоятельными [1:267]. Так, в энклитическую частицу (*ведь*) превратилась словоформа *вѣдѣ* «знаю».

В древнерусском языке, как и в других древних индоевропейских языках, расположение энклитик, относящихся к сказуемому, подчиняется так называемому закону Вакернагеля, состоящему в том, что все такие энклитики входят в состав первой тактовой группы фразы (образуя конечную часть этой тактовой группы). Энклитики, относящиеся по смыслу к отдельному слову (но не к сказуемому), не подчиняются закону Вакернагеля, а располагаются просто непосредственно после того слова, к которому относятся. Соответственно, древнерусские энклитики делятся на два класса: фразовые (вакернагелевские) и локальные (невакернагелевские) [1:24–25].

Древнейшими вакернагелевскими энклитиками, унаследованными из праславянского языка, являются частицы *же, ли, бо, ти* и местоимения в форме Д. п. (*ми, ти, си* и т.д.). Как в старославянском, так и в древнерусском языках они обладают вполне устойчивым просодическим статусом. Позднее в категорию энклитик входят местоимения в форме В. п. (*мѧ, тѧ, сѧ* и т.д.), глагольные словоформы *бы, быхъ*, еще позднее – связки (*есмь, еси* и др.).

Древнерусский период в истории русского языка, особенно XI – начало XIII века, – время максимально полного и последовательного формирования энклитик. Позднее начинается процесс постепенного распада этой системы [1:264]. Из старых фразовых энклитик в современном литературном языке остаются только *же, ли, бы*.

Помимо названных частиц и местоимений, аналогичные свойства обнаруживают, хотя и не вполне регулярно, такие глагольные формы: *ѡѡ (ѡѡ, деи, де); вѡѡ; реку, рече, рѡи; молвить, молвилъ, молви* и др. В поведении фразовых энклитик различают два аспекта – фонетический и синтаксический. Само понятие энклитики основано на фонетических свойствах. Наряду с этим, специфическим свойством энклитик оказывается их место во фразе, что позволяет опознать эти элементы и в письменной речи. При изучении древнерусского языка однозначные сведения о фонетическом поведении энклитик может дать только Чудовский Новый Завет XIV века, текст которого снабжен знаками ударения. Прочие памятники содержат сведения только о «синтаксических энклитиках» [1:9].

Синтаксические свойства древнерусских энклитик (как, заметим, и современных па-

рентез) состоят в том, что они обладают способностью вклиниваться в словосочетание. В таких случаях нарушается принцип проективности порядка слов, состоящий в требовании, чтобы никакая непосредственная составляющая предложения не была разорвана словом или словами, ей не принадлежащими. Ср.: показательный пример из Аввакума: *А сам говорю: «Челом реку бѡю на ево жало-ванье; какая онъ надежда мнѡ! Надежда моя Х(ристо)с!»*, в котором словоформа *реку* вклинена в словосочетание *челом бѡю* [1:45].

И. И. Срезневский в «Материалах для словаря древнерусского языка» выделяет древнерусские глагольные формы, которые не выполняют предикативной функции, а, оторвавшись от глагольной парадигмы, играют особую роль в предложении. Такова энклитическая форма *ѡѡ (ѡѡ, деи, де)*, восходящая к полноударной глагольной словоформе *ѡѡѡ «говорит»*. И. И. Срезневский дает следующее толкование энклитической глагольной форме *ѡѡ (деи, ѡѡ)* – «неизменяющаяся глагольная форма, вставляемая в приводимую чью-нибудь речь». Сравните примеры из словаря: (1) *Аще кто ѡѡ въ нашу вѡру ступитъ* (Пов. вр. л. 6495 г. (по Радз.сп.)). (2) *Пилипко жаловалъся намъ: привернулъ деи еси его къ конокормству* (Грамм. Вит. о Пилип. п. 1389 г.). (3) *Молвилъ: коли деи пошлете посла, и господарь мои царь подтвердитъ правды* (Посольств. Каз. к. Польск.). (4) *Да кто деи выидетъ половникъ серебряникъ въ твои путь, ино деи ему платится въ истое на два года безъ росту*. (Жал. Гр.ѡед. Конст. ок. 1450 г.). (5) *Пришелъ... старецъ Герасимъ, прося милостыни... на подможеніе тоя честныя обители, занеже, деи, пришедъ Турки, тую обитель розграбили; а дають, деи, съ тое съ Святые горы Турецкому царю оброка двѡстѡ рублевъ* (Посл. митр. Симон. 1495-1505 г.). (6) *Да мнѡ бѡють челомъ: пожалуй, деи, господине, вели учити*. (Посл. Новг. арх. Ген. м. Сим. 1496–1504 г.). (7) *И здѡ насъ слухъ дошолъ..., что, деи, я нынѡ...многіе христїане... заблудили отъ истинные христїанскїе православные вѡры и живутъ, деи, по преднимъ своимъ изъ начала обычаемъ, и жертву, деи, и питья*

жруть и пьютъ мерзскимъ бѣсомъ. (Грам. Новг. арх.теод. въ Вяц. пят. 1548 г.) [5, 1:802–803]. Употребление энклитики *ѡѣ* (*деи*, *ѡѣ*) становится достаточно частым в памятниках письменности с начала XVI века; в XVII–XVIII вв. в документах деловой и официальной письменности, особенно в протоколах допросов [1:43], и она фактически приближается по статусу к современным показателям чужой речи – частицам *де*, *дес-кать*. Как у Василия Грязного, так и у Аввакума представлено безупречное функциональное распределение: *ѡѣ* есть показатель чужой речи, *реку* – показатель своей собственной речи в уже имевшем место разговоре, причем эти показатели появляются достаточно регулярно в пересказе, во вторичном упоминании чужой или своей собственной речи. Примеры энклитического *реку* А. А. Зализняка находит у Аввакума: *ты реку ѡ(а)рь мой, а имъ какое дѣло до тебя? Потеряли реку своево ѡ(а)ря латыши безвѣримъ своим* (Аввакум, 75); *так мнѣ стало гор(ѡ)ко зѣло*, – *бѣсъ реку надо мною волю взялъ* (Аввакум, 91) [1:45].

В древнерусских памятниках нередко употребляется *рече* как энклитическая форма. Энклитика *рече* указывает на то, что в тексте приводится чужая речь. И. И. Срезневский толкует *рече*: – «вместо речено ѡсть (=бысть) или речетьсѧ». Сравните примеры: (1) *Искони бо, рѣ, сътвори Бѣ нбо* (Нест. Бор. Гл. 1). (2) *Створишиа бо, рѣ, имѧ ему Дѣдѣ* (т. ж. 11). (3) *Бѣ бо, рѣ, любѧ Иосифа ѡжовѣ*. (т. ж. 13). (4) *Много бо, рече, побиха Опочани Литвы и Нѣмецъ и Тотарѣ*. (Псков. I л. 6934 г.) [5, 3:119].

И. И. Срезневский толкует глагольную форму *рьци* как «говорить, молъ, дѣ». Сравните пример: *Ѣѡѡцавши ѡльга и рѣ къ сломъ: аще ты, рьци, тако же постоиши оу мене в Почаинѣ, ѡко же азъ в Сюду, то тогда ти дамъ; и ѡпусти слы, съ рекъши* (Пов. вр. л. 6463 г.) [5, 3:119]. В контексте исследования важен тот факт, что в «Материалах для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского древнерусские глагольные формы

ѡѣ (*деи*, *ѡѣ*), *рече*, *рьци* в вакернагелевской позиции отмечаются запятыми, хотя и не вполне регулярно. Так, энклитика *деи* выделена запятыми в примерах (5), (6), (7) [5, 1:802–803]; *рече* – в примерах (1), (2), (3), (4); *рьци* – в единственном примере, который приводит И. И. Срезневский [5, 3:119]. Это позволяет современному читателю понять смысл фразы, но достигается это ценой осовременивания источника.

В описанной трансформации полноударных глагольных форм в энклитические различаются два аспекта: 1) превращение глагольной словоформы со значением «говорю», «говорит» в частицу-показатель «чужой речи»; 2) превращение полноударной словоформы в энклитику. Переход слов, которые были первоначально акцентно самостоятельными, в позицию энклитик, связан, по мнению А. А. Зализняка, с довольно длительным периодом. В это время соответствующее слово во все более высоком количестве фраз подчиняется правилам энклитик, хотя может выступать и в своем акцентно самостоятельном качестве [1:46–47].

Выявленные признаки древнерусских глагольных энклитических форм: вакернагелевская заударная позиция, т.е. расположение после первой тактовой группы фразы; безударность, а также способность вклиниваться в грамматически оформленное словосочетание и, главное, особое значение «указание на чужое слово» – позволяют интерпретировать их как протопарентезы. Парентезы современного русского языка обладают такими же свойствами: прототипической вакернагелевской (заударной) позицией – коммуникативной позицией между темой и ремой, которая получила название атонической темы [6:76–82; 7:59]; особой просодией (безударностью, ровным тоном произношения, аллегровым темпом и отсутствием внутренних пауз); особыми синтаксическими свойствами (парентезы могут вклиниваться в грамматически оформленное словосочетание, выражая модус субъекта речи, ср.: *Он принял неправильное, по-моему, решение*). Следует отметить, что современные слова-парентезы могут оказаться и в начале фразы (ср.: *По-моему, он принял неправильное решение*), зато для парентетических предложений начальная позиция не характерна: *Живица не смола (многие называют ее так), а именно живица, заживляющая дерево* (В. Солоухин).

Особый интерес представляет семантика рассмотренных протопарентез: все они служат разграничителями своего и чужого слова в тексте. А. А. Зализняк указывает на важный исторический источник древнерусского языка, которым является Киевская летопись за XII в. по Ипат. (иначе Киевский свод). Памятник отчетливо делится на два компонента, вклиненные друг в друга: 1) прямая речь светских лиц, 2) авторская речь летописца и покаянные и молитвенные речи, вложенные летописцем в уста светским персонажам [1:23]. Эта текстовая особенность важна для уяснения общих закономерностей оформления синтаксической и коммуникативной позиции парентез. Первоначально речь лица преимущественно имела форму прямой речи [2:544], отражая устную коммуникацию. Существенно также то, что в текстах, написанных на древнерусском языке, наряду с прямой речью встречаются показатели чужой речи, своеобразные протопарентезы – (*ѡѡ* (*ѡѡ*, *деи*, *де*); *реку*, *рече*, *рьци*; *молвить*, *молвить*, *молви*), включенные в авторскую речь рассказчика, т.е. факты письменной коммуникации. Именно так формируются средства косвенной речи. Древнерусские памятники в рассказе передающего лица пестрят чередованиями авторской речи и прямой речи (о разных способах передачи речи лица в древнерусском языке см. в [2:540–548]).

Появление подобных средств в древнерусских текстах можно интерпретировать как свидетельство формирования позиции нарратора, имплицитной (безударной) коммуникативной и грамматически изолированной в тексте, благодаря которой актуализируется содержание наррации (акта рассказывания). Как дискурсивная категория нарративность связана с коммуникативно-прагматической стратегией текстообразования: с текстовыми категориями (тема, мотив, повествовательный план, рассказчик-субъект, персонаж-объект, событие, хронотоп и др.) и языковыми средствами, оформляющими эти категории в структуре текста и дискурса. Протопарентезы и современные парентезы относятся к числу средств выражения нарратора и его коммуникативной стратегии.

Коммуникативная предназначенность протопарентез выявляется в сравнении иллокуции прямой речи и речи нарратора. Иллокуция прямой речи отражает интенцию субъекта, связанную с репродукцией чужих слов, их

точным воссозданием, точным цитированием. Прямая речь легко проговаривается при чтении, интонация усиливает ее достоверность, т.е. имеет самостоятельный перлокутивный эффект. В письменном диалоге прямая речь устраняет позицию нарратора. Здесь важны голоса персонажей. Субъект предстает не столько как автор, сколько как участник сюжетно-образующих сцен.

По данным исторических исследований, уже в древнерусском тексте формируется и иной тип речи – это так называемая авторская речь, т.е. не цитатная, а модифицированная, косвенная. Иллокуция речи нарратора с помощью протопарентезы, усложненной комментарием, отличается от иллокуции прямой речи: при пересказе чужой речи рассказчик получает возможность отказаться от точного цитирования, прибегнуть к перефразированию, что предполагает мену лексических компонентов, синтаксическую перестройку предложения. Чужая мысль тем самым связывается с новой словесной формой, т.е. осваивается или частично присваивается. Большая иллокутивная свобода рассказчика предопределяет интерпретацию сказанного и его оценку. Это приводит к разнонаправленным эффектам – иллокутивному и модальному усложнению повествования, с одной стороны, а с другой, – линейная речь повествующего приобретает более компактную форму. Авторская передача чужой речи закладывает основы техники повествования, характерного для современных словесных практик. Как протопарентезы, так и их современные аналоги являются показателями нарративных планов речевого сообщения.

Чужая речь – это не только речь в речи, но и речь о речи. Ср. прозаический контекст: *Сосед доволен...и, говорят, хвалил меня перед домоуправленьем* (Б. Ахмадулина). Парентеза *говорят* позволяет усложнить семантическую организацию высказывания: высказывание передает одновременное звучание нескольких голосов в единой конструкции. Голоса эти, интерферируя и налагаясь друг на друга, звучат тем не менее самостоятельно. Первый голос соседа, который хвалил нарратора. Второй голос человека, который сообщил нарратору об этом. Третий голос непосредственно самого нарратора. В такой многоголосой конструкции содержится два субъекта, два референта и три предикации: одна – от чужой речи и две – от авторской. Авторский голос предидирует дважды: пер-

вый предикативный акт от чужой речи и второй – от авторской. Таким образом, разграничение своего и чужого слова – своеобразный лингвистический фундамент, с которым связано развитие различных типов нарратива и литературных жанров.

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы.

История парентезы как особой коммуникативной и синтаксической позиции обнаруживает явную связь с древнерусскими фразовыми энклитиками, которые подчиняются закону Вакернагеля. Возникновение парентезы как особой безударной (вакернагелевской) коммуникативной позиции обусловлено характером русского ударения (свободное силовое), характером русского порядка слов, который в истории языка менялся в направлении к свободному, а также соответствующей им интонацией.

Протопарентезы возникают как безударные варианты полноударных глагольных

форм, помещенных в вакернагелевскую позицию. Безударность протопарентез, их синтаксическая изолированность соотносится с их особой коммуникативной предназначенностью – вводит принципиально новый для словесной культуры план сообщения. Исторически первичная (представленная уже в древнерусских текстах) коммуникативная и текстовая позиция протопарентезы отражает коммуникативно-прагматическую стратегию нарратора, формируя скрытую позицию автора, задает компактность формы и полимодальную сложность (многоголосость) линейной речи рассказчика. В современном русском языке группа слов-парентез обширна и разнообразна. Многочисленные и разнообразные по внутренним формам парентезы получают распространение в русском языке с XVIII века, их экспансия связана с усложнением сфер общения и ростом личного начала в разных формах речи.

Литература

1. Зализняк А. А. Древнерусские энклитики / А. А. Зализняк. — М. : Языки славянских культур, 2008. — 280 с.
2. Ломтев Т. П. Очерки по историческому синтаксису русского языка / Т. П. Ломтев. — М. : Издательство МГУ, 1956. — 596 с.
3. Потебня А. А. Из записок по русской грамматике / А. А. Потебня. — Т. I—II. — М. : Гос. уч.-пед. изд. Министерства просвещения РСФСР, 1958. — 536 с.
4. Спринчак Я. А. Очерк русского исторического синтаксиса (простое предложение) / Я. А. Спринчак. — К. : Гос. уч.-пед. изд. «Радянська школа», 1960. — 256 с.
5. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка / И. И. Срезневский — СПб. : Типография императорской академии наук, 1893—1903. — Т. 1: А—К. — 1893. — 1420 с; Т. 3: Р—Я. — 1903. — 1683 с.
6. Янко Т. Е. Коммуникативные стратегии русской речи / Т. Е. Янко / Ин-т славяноведения РАН. — М. : Языки славянской культуры, 2001. — 384 с. — (Studia philologica).
7. Янко Т. Е. Интонационные стратегии русской речи в сопоставительном аспекте / Т. Е. Янко / Ин-т языкознания РАН. — М. : Языки славянских культур, 2008. — 312 с. — (Studia philologica).